

ОБЩЕСТВО И ПРОСТРАНСТВО: ОБЗОР МОНОГРАФИЙ БЕННО ВЕРЛЕНА

Werlen B. Gesellschaft, Handlung und Raum. Grundlagen handlungstheoretischer Sozialgeographie. 2 Aufl. Stuttgart: Franz Steiner, 1988. 314 S.

Werlen B. Society, Action and Space. An Alternative Human Geography. Translated by Gayna Walls / Ed. by Teresa Brennan and Benno Werlen / With a Preface by Anthony Giddens. London and New York: Routledge, 1993. XVI, 249 p.

Werlen B. Sozialgeographie aller regionalisierungen. Bd. 1. Zur Ontologie von Gesellschaft und Raum. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1995. X, 262 S.

Верлен Б. Общество, действие и пространство. Основы социальной географии как теории действия. Штутгарт, 1988. Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная человеческая география. Лондон и Нью-Йорк, 1993. Верлен Б. Социальная география повседневных регионализаций. Т. 1. К онтологии общества и пространства. Штутгарт, 1995.

Отношения социологии и географии неудовлетворительны. В первую очередь, это связано с тем, каково отношение социологии к пространству, о чем автору данной рецензии уже приходилось писать неоднократно. Требования учитывать пространственность социального взаимодействия, критика невнимания к пространству среди социологов, в общем, не редкость. Парадоксальным образом, каждое новое выступление в этом духе представляется все менее и менее обоснованным: если уже десятки исследователей твердят о значении пространства в социальной реальности, то вряд ли справедливы с их стороны обвинения в господствующем пренебрежении к этому вопросу. Важно и то, что, все больше акцентируя значение пространства, социологи, как правило, далеко недостаточно *проблематизируют* эту тему. Со стороны географов, как показывают, в частности, работы по так называемой "человеческой географии" (human geography) или "радикальной географии" (radical geography), имеется интерес к собственно социальной, социологической проблематике, выходящий за обычные рамки того, что привычно называется "политической" или "экономической географией". Однако подлинно масштабного взаимопроникновения двух дисциплин пока не происходит, несмотря даже на появление совместных трудов социологов и географов (пожалуй, самой авторитетной до сих пор остается книга "Социальные отношения и пространственные структуры" [1]), а также работ, находящихся на стыке нескольких дисциплин. В первую очередь здесь следует упомянуть труды английского географа Д.Хрегори, неизменно привлекающие к себе широкое внимание (см., например: [2]). Однако работы Грегори, о которых стоит говорить специально, далеко не достигают того теоретико-социологического значения, которое характерно для работ швейцарского географа Бенно Верлена.

В сущности, мы рецензируем не три, но только две книги: монография на английском языке представляет собой перевод опубликованной в 1988 г. работы. По сравнению с немецким изданием английское сокращено за счет исключения из него (весьма ценной, на наш взгляд) главы, посвященной анализу немецких работ по социальной географии, и несколько модернизировано. Однако принципиальных изменений книга не претерпела. Что касается последней работы Верлена, то это - первый том задуманного им крупного труда. Здесь социологическое углубление концепции автора совершенно очевидно. Это в немалой степени стало результатом его сотрудничества с Э.Гидденсом, который содействовал появлению первой книги Верлена на английском языке и написал к ней предисловие. Усвоение и критика "теории струк-турации" - важнейшая составляющая последней книги.

Итак, в книге "Общество, действие и пространство" автор начинает с того, что фиксирует (опираясь в первую очередь на М.Вебера) различие между поведением и действием: если поведение может быть истолковано по схеме "стимул - реакция", то

действие требует постижения смысловых связей социального мира и поиска телеологических оснований целенаправленных деяний. Верлен делает выбор в пользу теории действия. Действие, говорит он, есть "атом" социального универсума, поверх которого конституируется общество как смысловая реальность (23)¹. Следующий шаг исследования - обращение к философии науки К.Поппера. Благодаря Попперу, считает автор (уделивший немалое внимание попперовской теории "трех миров"), можно показать, что перенесение методологии естественных наук на социальную географию неправомерно, а кроме того, именно при ориентации на теорию действия география могла бы заимствовать у критического рационализма метод так называемого ситуационного анализа действия.

Достаточно неожиданно Верлен после Поппера обращается к феноменологической философии и социологии. Обширный и детальный анализ концепции А.Шютца позволяет, как считает Верлен, утверждать, что в его аргументации имплицитным образом тоже содержится модель "трех миров". "При этом в центре стоит познающее его. Область физического мира оно конституирует в аспекте своей телесности в жизненной форме действующего Я. Область социального мира оно конституирует на основании имеющихся в распоряжении в его запасе знания типов (субъективный мир) в жизненных формах соотношенного с Ты и говорящего Я" (103). Социальный и природный миры противостоят познающему субъекту как нечто непосредственно от него не зависящее - в этом Верлен усматривает родство Поппера и Шютца. Вообще, в результате тщательного сопоставления, выявления всех сходств и различий обеих теорий, Верлену представляется, что они находятся скорее в отношении взаимодополнительности, чем противоположности. И самое главное, что он выводит отсюда - это суверенный характер социального мира, нуждающегося, следовательно, в особых методах исследования. Большое место Верлен уделяет сравнению трех подходов к действию: целерациональной модели действия в концепциях М.Вебера и В.Парето, нормативной модели Т.Парсонса и модели взаимопонимания, разработанной А.Шютцем. Этот раздел его работы, весьма обстоятельно и доброту написанный, не оригинален. Он важен лишь в рамках географической концепции автора.

Поначалу это может и не заинтересовать социологов: различие двух типов реальности и способов ее объяснения, а также сопоставительный анализ Вебера, Парето, Парсонса и Шютца для нас далеко не новинка. Обратим, однако, внимание на то, что пишет этот географ, имеющий дело, казалось бы, с совершенно объективными членениями пространства. Но если пространство членится объективно, то как быть с социальными пространственными образованиями? С тем, что насыщено *смыслом*, объективированными формами культуры? Вот почему так важно для него исследование этого вопроса. Дело в том, что Верлен оспаривает понятие географии как "науки о пространстве". Для него она есть в первую очередь наука о действии. Вот его аргументация: "Основные проблемы географического понимания пространства следует, коротко говоря, видеть в том, что, во-первых, весь физический мир или же вычленяемый посредством чувства зрения, с определенной позиции, фрагмент переживания или перцепции понимается как определенное пространство. Во-вторых, в том, что формальные аспекты, которые могут быть установлены для некоторого положения дел, считаются его производящей причиной, как это и происходит с "дистанцией" в рамках географии как науки о пространстве. И, наконец, в третьих, - в том, что хорическое понятие пространства² стремятся использовать для локализации социокультурных фактов, хотя понятие это может быть действенным только для физически-материальных, а не для абстрактно-символических фактов" (1, 166-167). Вместо этого Верлен предлагает поставить в центр понятие действия, потому что "пространственное упорядочение фактов релевантно как необходимое условие и следствие человеческого действия"(1, 167).

¹ Здесь и далее в скобках указаны номера страниц первой из рецензируемых книг.

² От греч. *choia* - ландшафт, - т.е. вещественно-объективное понимание пространства. — А. Ф.

Через обращение к концепциям П.Сорокина, Т.Ларсонса, О.Больно-ва, А.Шютца Верлен убедительно показывает, что о физическом и о социальном пространстве говорить в одном и том же смысле нельзя. Речь всегда должна идти о разных пространствах. Но как же быть тогда с локализацией "челове-ческих артефактов", т.е. того, что произведено человеком как вещественное и потому относится к обоим пространствам. Решение, предлагаемое Верленом, бескомпромиссно: в этом случае речь не идет о каком-то третьем виде пространства. Мы только должны анализировать вещественный и смысловой аспекты по отдельности. Социальная география должна выработать правила анализа артефактов, позволяющего различать и сравнивать одновременную локализацию артефакта в физическом (матери-альные компоненты) и социальном (смысловые содержания) мире (183). Верлен подробнейшим образом показывает, что можно извлечь из мирового социологического наследия для построения такой географии на концепции действия. Во-первых, действия человека бывают направлены на достижение цели в мире материальных объектов и физического пространства. Во-вторых, человек действует в мире социальных артефактов. В-третьих - и это имеет чрезвычайную важность - тело человека, будучи собственно физической, объективной величиной, опосредует нематериальный социо-культурный мир и физические условия любого рода взаимодействий. Перед исследователями открывается, таким образом, огромное поле изучения как непосредственных (данность чужого тела) взаимодействий, так и символического содержания артефактов, а кроме того - *социального, смыслового* аспекта пространственных объектов социальности. Не останавливаясь на собственно географических изысканиях автора (из которых, пожалуй, наибольший интерес представляет "деятельностная" интерпретация знаменитой теории "центральных мест" В.Кристаллера), перейдем теперь к книге "Социальная география повседневных регионализации".

Основные вопросы, сформулированные автором во Введении, носят отчетливый философско-социологический характер: "Что есть пространство, точнее: что может пониматься под "пространством"? Каково значение "пространства" для объяснения действий? Каковы последствия онтологических квалификаций "пространства" для конституции социального? Какие концепции общества и пространства могут быть соотнесены между собой методологически когерентным образом (13)?³ При рассмотрении этих вопросов Верлен преимущественно (хотя и с элементами критики и уточнений) ссылается на А.Гидденса. А полемизирует он и здесь, в основном, с объективистским пониманием пространства. Дело в том, что всякое членение пространства на регионы, как его претендует выявить география, никак не может объяснить, почему именно эти, а не другие социальные артефакты находятся в данном, а не в другом регионе. Решение, которое предлагает Верлен, основывается по-прежнему на теории действия; при этом он гораздо более решительно подчеркивает номиналистический характер своей теории.

Верлен намерен фундаментально обосновать свои воззрения на социальность. Первая глава его исследования называется "Онтология общественных фактов". Индивидуализм заявлен здесь достаточно четко: "Социальное существует в действиях и как следствие действий. Правда, действовать могут только индивиды, понимаемые как актеры, но их действия являются не только выражением индивидуальных органических и психических признаков и способностей. Действия - хотя и не в казуально-детерминистском смысле и не в смысле исторических законов - всегда представляют собой выражение определенных заранее данных социальных, экономических и относящихся к физическому миру условий, в которых они производятся" (56). Таким образом, если учитывать только физически-материальный, или только субъективный, или только социальный аспект действия, это приведет к существенным искажениям подлинного положения дел. Верлен предлагает всякий раз акцентировать, во-первых, дуализм структурно-институ-циональных аспектов и субъективного содержания действий, а во-вторых (чего, в общем, следовало

³ Здесь и далее в скобках указаны номера страниц последней из рецензируемых книг.

ожидать), — методологический, а не онтологический характер такого подхода к социальной реальности. Это означает, что исследователь может изучать структуры именно как структуры, не прибегая к анализу действий и их мотивировок — но только если это упрощает задачу исследования и если мы не забываем, что, в сущности, помимо действий, структур нет.

Далее книга членится следующим образом. В гл. II рассматриваются традиционные и относящиеся к позднему модерну формы общества. В гл. III идет речь об онтологии досовременного пространства, а в заключительной гл. V - об онтологии пространства современного⁴. Отказываясь от географии как науки об объективном пространстве, Верлен не мог не задаться вопросом, почему такое понимание этой науки сохранялось столь долго. Он выдвигает гипотезу, что одна из важных причин этого — значительная пространственно-временная стабильность традиционных форм жизни, для которых в определенной мере годятся традиционные географические описания (Гидденс в этой связи говорит о единстве пространства и времени). В традиционном обществе коммуникации происходят, как правило, "лицом-к-лицу", сферы влияния отдельных действий малы, нет ясного различия между обозначаемым и обозначенным: символическое значение пространства реифицируется и объективируется (таков, например, мистический смысл культовых мест; принципиально важен и контроль над местами хранения материальных ресурсов), а прошлое, настоящее и будущее соединяет традиция. Напротив, в современных обществах, особенно в эпоху позднего модерна, можно говорить о "детрадиционализации действий" (термин Гидденса). Вслед за Гидденсом Верлен указывает также на роль символических знаков (денег и письма), а также "экспертных систем" в освобождении действия от привязанности к единому времени-месту. "Социально-культурные значения, пространственные и временные компоненты действия уже не сочленены прочным образом. *Напротив, всякий раз специфично и весьма многообразно они все время комбинируются по-новому*" (134) Доминирующей формой взаимодействия становится коммуникация в глобальном контексте, а материальная среда оборачивается рационально конструируемым артефактом. Именно в этих условиях теряет свое значение традиционная география и получает значение география, ориентированная на теорию действия.

Это заставляет более внимательно присмотреться к самому понятию пространства. Верлен обращается к анализу философских концепций пространства, чтобы получить дополнительные аргументы в полемике с географами. Он выделяет суб-станциалистские концепции абсолютного пространства (пространство как особая сущность), реляционные концепции (пространство как порядок сосуществования вещей) и, наконец, современные концепции пространства, совместимые с понятием действия. Мы не можем, конечно, в рамках рецензии проследить все аспекты этого анализа. Укажем только, что эта часть книги представляет самостоятельный историко-философский интерес. В результате своих изысканий, Верлен приходит к следующему выводу: пространство следует рассматривать как "данность, которая принадлежит ментальному миру и, соответственно, относится к когнитивному роду" (223). Поэтому география, понимающая себя как "науку о пространстве", просто не имеет предмета. Зато серьезного отношения заслуживает география И.Канта, тесно связанная с его концепцией пространства как чистой формы созерцания. Только именно в данном случае, замечает Верлен, речь должна идти не об априорной и дедуктивной, а об апостериорной, чисто описательной науке. А множественность пространственного опыта и есть то, что нужно для современной географии. Однако на этом нельзя останавливаться.

Выработка соответствующей концепции должна пройти, по Верлену, несколько ступеней. Во-первых, через соотнесение с телом действующего устанавливается, что вещи мира, с которыми действующий себя соотносит, имеют протяжение. Понятие

---

⁴ Ввиду известных трудностей с переводом слова "modern" и его производных, мы говорим и о "модерне", и о "современности".

пространства оказывается "*телоцентричным*". Во-вторых, различается обозначаемое и обозначенное. Понятие пространства служит формальному упорядочению воспринимаемых протяженных данностей согласно их положению, оно имеет формально-классификационный характер, само не будучи каким-либо классом. В-третьих, устанавливаются пределы, за которыми понятие пространства не имеет смысла (как это сплошь и рядом происходит с понятием социального пространства). Таковы базисные постулаты той концепции, основное развертывание которой следует, видимо, ожидать во втором томе этого труда.

Оценивая книги Верлена достаточно высоко (а критиковать их можно, только противопоставив им иную фундаментальную теорию), следует все-таки упомянуть и о том, что заметного отклика на них со стороны социологов не последовало. Это нельзя объяснить только нечувствительностью социологии к проблематике пространства. Дело еще и в том, что они очень неудачно написаны. Обе немецкие работы (английская версия несколько отличается в лучшую сторону) заставляют вспомнить о худших образцах того, что принято называть "гелертерством". Подлинно новаторское, плодотворное тонет в бесконечных дистинкциях, критике множества теорий и почти тавтологическом повторении одних и тех же мыслей. Верлену пока не удалось показать, как *работает* его концепция, дать свой, эвристичный, альтернативный вариант анализа каких-либо социальных фактов. Будем надеяться, что его последующие труды восполнят этот недостаток.

ЛИТЕРАТУРА

1. Social Relations and Spatial Structures / Ed. by Gregory D. and Urry J. Basingstoke and London: Macmillan, 1985.
2. Gregory D. Geographical Imaginations. Cambridge MA & Oxford UK, 1994.

А.Ф.ФИЛИППОВ,
кандидат философских наук
Институт социологии РАН